

КОМПАРАТИВИСТИКА

УДК 930.85+82.091

DOI: 10.17223/24099554/8/1

Марина ди Филиппо

К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НЕАПОЛИТАНСКИМ КОРОЛЕВСТВОМ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ¹

Статья посвящается документированному восстановлению истории политических, дипломатических и культурных отношений между Неаполитанским королевством и Российской империей с 1777 г., официальной даты установления дипломатических связей, до 1822 г., года смерти герцога Серракаприола, виднейшего представителя Бурбонской семьи при российском дворе в периоды правления Екатерины II, Павла I и Александра I. В исследовании использованы рукописные документы, хранящиеся в Государственном архиве г. Неаполя, в фондах Министерства иностранных дел и семьи Мареска ди Серракаприола. В сведениях и данных об исторических отношениях между двумя государствами рассматриваются жизнь и деятельность первых двух полномочных послов: Муцио да Гаэта, герцога Сан-Никола, и Антонино Мареска, герцога Серракаприола.

Ключевые слова: XVIII век, Государственный архив г. Неаполя, дипломатическая переписка, герцог Сан-Никола, герцог Серракаприола, Екатерина II.

Официальное начало дипломатических отношений между Неаполитанским королевством и Россией относится к 1777 г., времени царствования Фердинандо IV и Екатерины II. До этого периода в ар-

¹ Данная статья является пересмотренной, дополненной и переведенной версией публикации, появившейся в 2005 г. в журнале «Русско-итальянский архив» [1. С. 243–295]. За последние годы в этой области исследования – поиске свидетельств, доказывающих связь между Италией и Россией, – очень много было сделано, особенно в области русской культурной эмиграции в Италию. Но исследователям еще предстоит очертить «обратную» историю итальянцев в России, более или менее известных, на основе архивных источников. Цель настоящей статьи – заново представить положение дел о неаполитанско-русских отношениях в XVIII в., предлагая ее большому кругу русских ученых. Мой вклад в данное исследование заключается в восстановлении документированной истории первых двух неаполитанских министров в России и в составлении каталога документов, имеющих отношение к России и хранящихся в Государственном архиве г. Неаполя.

живах Неаполя существует очень мало документов, имеющих отношение к России. Все они приурочены приблизительно к началу XVIII в. Эти источники оповещают не о четко определенных взаимоотношениях, а о спорадических контактах между двумя королевскими дворами¹.

После своего образования в 1734 г. Неаполитанское королевство не сразу разработало независимую внешнюю политику: несколько десятилетий оно оставалось в состоянии вассальной зависимости от Карла III, короля Испании и отца Фердинандо IV. В европейском контексте защита неаполитанских интересов была возложена на дипломатических представителей династии Бурбонов при главных иностранных дворах, среди которых числился и петербургский двор, где Неаполитанское королевство, не имея своих послов, пользовалось услугами мадридской дипломатии. В фонде Министерства иностранных дел (*Fondo Affari Esteri*) Государственного архива г. Неаполя (далее в тексте НГА, МИД) хранятся многочисленные письма испанских представителей при дворе Екатерины II, виконта ла Эррерия (*vizconde de la Herrería*, письма от 1763–1767; 1769–1771 гг.), Хосе дель Рио (*Joseph/José Del Rio*, письма от 1768–1769 гг.), Мануеля Делитала, маркиза де Манка (*Manuel Delitala Marqués de Manca 1771–1772 гг.*) и Франсиско Антонио, графа де Лейси (*Francisco Antonio Conde de Lacy, 1772–1780 гг.*)², которые свидетельствуют об их дипломатической деятельности в качестве представителей Королевства обеих Сицилий. Это в основном короткие информативные депеши, которые были высланы ими маркизу Тануччи, начальнику секретариата Министерства иностранных дел.

Изначально отношения между двумя государствами складывались не очень успешно.

¹ См., в частности, папку № 4513 в фонде Министерства иностранных дел Государственного архива г. Неаполя, содержащую проект письма-извещения о восхождении на престол короля Карла Бурбона 5 апреля 1738 г., а также ответ императрицы Анны Ивановны от 3 июня 1738 г. с *répresentation* барона Кайзерлинга, полномочного русского министра в Дрездене, т.е. формуляра, используемого неаполитанским королем в письменном обращении к императрице.

² НГА, МИД, папка № 1668. Речь идёт о виконте А. де ла Эррерия, посланнике Испании в Петербурге с 1763 по 1771 г., о Хосе дель Рио, временном поверенном в делах Испании в России с августа 1768 г. по октябрь 1770 г. на время отъезда в Испанию виконта де ла Эррерия, о Мануеле Делитала, временном поверенном в делах Испании в России с августа 1772 до 1776 г., о графе де Лейси, полномочном министре в России.

Оживленный обмен письмами состоялся сразу же после вступления в брак Марии Каролины Австрийской с Фердинандо IV: из Неаполя императрице Екатерине II было направлено официальное свадебное приглашение, но латинский текст слишком сэкономил на эпитете «Императорское» по отношению к монархине, и она приостановила ответ в ожидании корректировки в обращении, где должно было прозвучать «Ваше Императорское Величество». Исправленное приглашение прибыло с опозданием из-за невнимательности тогдашнего испанского министра Хосе дел Рио, и по этому случаю Никита Панин не преминул отметить, что «la Corte de Russia non tenia Persona alguna incarcada de sus negocios en la de Napoles», и что «el modo de pensar de S. M. Siciliana se hallaria sempre conforme al de la Corte de España <...>»¹, с ясным намеком на позицию вассалитета Королевства по отношению к королю Карлу. Произшедшее, к лучшему или худшему, вызвало интерес у обеих сторон и закончилось отправкой Фердинандо нового приглашения императрице в связи с рождением его дочери Катерины. Данное приглашение, насыщенное эпитетами, было прочитано испанским министром де Лейси во время частной императорской аудиенции².

Руководящие принципы новой внешней политики – независимой и соответствующей различным властным отношениям – были намечены Марией Каролой Австрийской, сестрой императора Иосифа II и женой короля Фердинандо IV с 1768 г. Новая «де-факто» правительница Неаполитанского королевства с самого начала приняла участие в работе правительства³, отстранив от должности Бернардо Тануччи – верного эмиссара Карла III. Падение Тануччи (1776 г.) и растущее напряжение в отношениях между отцом и сыном, которое подпитывала Мария Каролина, изменили курс неаполитанской политики: от происпанской к новой «прогабсбургской» ориентации в сторону Англии и Австрии [3. Vol. 1. P. 195; 4. P. 45]. Именно в этом контексте должно быть истолковано сближение Неаполитанского королевства и России, а также заключение новых дипломатических соглашений.

¹ НГА, МИД, папка № 1668: письмо Джозефа дель Рио маркизу Тануччи, Санкт-Петербург, 12 июня / 01 июля 1768 г.

² НГА, МИД, папка № 1668: письмо де Ласи маркизу Тануччи, Санкт-Петербург, 30 июля / 19 августа 1773 г.

³ Мария Каролина вошла в Государственный совет «не по закону или обычаю монархии, а в соответствии с главами брачного соглашения» («non per legge o usanza della monarchia, ma per patto fermato ne' capitoli del matrimonio») [2. Т. 1. С. 198].

Что касается Екатерины II, то, как известно, в 60-х и 70-х гг. она поощряла внешнюю политику, основанную на коалиции государств, названной «Северная система» и представляющей своего рода союз с Пруссией и Англией, направленный на борьбу с империализмом Бурбонов во Франции и Испании. В то же время императрица положила начало политике расширения торговли, направленной на завоевание территорий и черноморских портов, борясь, таким образом, с турецкой монополией. На самом деле среди ее приоритетов была война против Турции, а политика объединения с Королевством обеих Сицилий была направлена на приобретение хорошего союзника и безопасной военно-морской базы для российского флота.

В 1777 г. в результате консолидации и официального открытия дипломатических отношений между дворами Неаполя и Санкт-Петербурга были назначены два полномочных министра: Муцио да Гаэта, герцог Сан-Никола – посол Неаполитанского королевства при царском дворе Санкт-Петербурга, и Андрей Кириллович Разумовский – посол России в Неаполе. В Государственном архиве г. Неаполя хранятся краткая дипломатическая переписка и некоторые документы, освещающие деятельность в России вышеназванного министра.

Муцио да Гаэта, герцог Сан-Никола (1779–1783)

Как явствует из собранных документов, герцог Сан-Никола, который жил в российской столице с 26 августа 1779 г. по 10 сентября 1783 г., справился со своей задачей с честью, заслужив при этом благосклонность Екатерины. 22 января 1784 г., после отъезда из петербургской столицы, герцогу Сан-Никола было присвоено звание «кавалера ордена Святого Александра Невского» за усердие в работе по сближению двух королевских дворов.

Уже во время своей первой аудиенции Муцио да Гаэта привлек к себе императорскую благосклонность, цитируя надлежащим образом на русском языке строки «самого известного русского поэта» в честь великого князя¹. Герцог Сан-Никола, будучи человеком высокой культуры и знатоком «всех европейских языков» (*dotto le*

¹ НГА, МИД, папка № 1670. Письмо герцога Сан-Никола к маркизу Самбука, Санкт-Петербург, 10.09.1779. Очевидно, речь идет о некоторых стихотворных строках М.В. Ломоносова.

lingue dell'Europa tutta)¹, начал учить русский язык еще до переезда в Петербург. В 1778 г., перед отъездом из Неаполя, вышел его «Сборник русских слов» [5], где, по выбору автора, дается перечень наиболее употребительных слов и словосочетаний в алфавитном порядке, иногда в фонетической транскрипции, и с переводом на французский язык. Николай Петрович Лихачев в 1897 г. оповещает о данном лексиконе [6]², считая, что это самостоятельное произведение, написанное на основе «Российской грамматики» Ломоносова и некоторых печатных книг. Он полагает, что герцогу Сан-Никола были неизвестны русско-французский Лексикон, опубликованный в Санкт-Петербурге в 1762 г., и другие словари, увидевшие свет до публикации сборника. Из-за незнания русского книжного рынка сам автор написал в заглавии своей книги, что она была предназначена «для собственного употребления, в ожидании Словаря того же языка» (*pour son propre usage, en attendant un Dictionnaire de la même langue*).

Екатерина в одном из своих писем барону Гримму упоминает о нем как о человеке высокой культуры и квалифицированном переводчике с редкой лингвистической способностью «qui parle russe comme un Russe». В том же источнике, т.е. в письме, адресованном барону Ф.М. Гримму от 8 декабря 1782 г., императрица упоминает тесные отношения между герцогом Сан-Никола и своим фаворитом Александром Ланским, который до того дорожил ученым неополитанцем, что закрывал его в собственной библиотеке, чтобы при возвращении домой снова найти его:

Je serai très fâchée de voir partir le duc de St. Nicolas. Il est devenu l'ami intime du g-l Lanskoï; quand il sort, il l'enferme sous clef dans sa bibliothèque pour le retrouver quand il rentre; S.t Nicolas parle russe comme un Russe, et il a traduit du russe en italien la bibliothèque Alexandrine; je voudrais que la cour de Naples le laissât ici. Je ne crois pas qu'on puisse traduire du russe en français et que cela fût exact; la construction est trop différente [7. P. 262].

¹ Цитата из «Гимна к Солнцу» (Inno al sole), написанном аббатом Корачца в 1778 г. и посвященном отцу Аурелио де Джорджи Бертола, который должен был сопровождать герцога Сан-Никола в Россию. Гимн содержит отчетливые ссылки на герцога Сан-Никола и его миссию.

² В начале статьи [6. С. 3] Лихачев пишет, что обладает этим лексиконом, поэтому мы предполагаем, что он его приобрел в одной из частых поездок в Италию, в том числе в Неаполь.

Удивительная способность к языку герцога Сан-Никола проявилась еще и в том, что он перевел на свой родной язык так называемую «Александрийскую библиотеку» (la bibliothèque Alexandrine), т.е. собрание разных сказок и нравоучительных сочинений, принадлежащих перу Екатерины II и специально написанных для воспитания ее внуков Александра и Константина Павловичей.

Помимо этого, герцог Сан-Никола блестяще перевел на итальянский язык и, вероятно, издал стихотворный перевод *Россияды* М.М. Хераскова, став при этом одним из первых переводчиков поэта. Вторым итальянским переводчиком был Антонио Мареска, герцог Серракаприола, речь о котором пойдет ниже. В письме Пикара от 15 апреля 1782 г., адресованном князю А.Б. Куракину, описывается его мастерство: «Знатоки, в одинаковой степени усвоившие себе оба языка, уверяют, что этот перевод отличается как изяществом, так и точностью» [8. С. 57]. В результате Екатерина II поручила купить для герцога Сан-Никола «лучшие русские книги» и подарить их ему.

Дипломатическая переписка герцога Сан-Никола, сохраненная в Государственном архиве г. Неаполя, к сожалению, не дает никакой информации, которая могла бы помочь восстановить полностью его литературную деятельность в Санкт-Петербурге. Помимо предоставления отчетов в соответствии с правилами написания дипломатических депеш, новости частного порядка были редкими и ограничивались подробными сообщениями о неприветливости российского климата и о собственном здоровье, которое из-за череды простуд и болей в суставах, ограничивало его в ведении дипломатических дел и в исполнении своих обязанностей. Он настолько был напуган суровым петербургским климатом, что, по его собственному признанию, всю зиму пролежал с герцогиней в постели, не вылезая из-под одеяла¹.

Тем не менее герцог Сан-Никола хорошо справился с возложенной на него миссией: отношения между двумя правительствами укрепились, и в результате Неаполитанское королевство присоединилось к «вооруженному нейтралитету», предложенному Екатериной II в области защиты морской торговли², что послужило началом для консультаций по договору о торговле.

¹ НГА, МИД, папка № 1670.

² «Декларация о вооруженном морском нейтралитете», которая впоследствии была признана большинством европейских государств, провозглашена Екатериной 28 февраля 1780 г. Неаполитанское королевство присоединилось к лиге вооруженного нейтралитета с соглашением, подписанным в Санкт-Петербурге герцогом Сан-Никола 10 февраля 1783 г.

В 1782 г. Россия пошла на еще более активное сближение с неаполитанским королевским двором, когда в столицу прибыли с неофициальным визитом великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна, завершавшие в Неаполе свое путешествие по Европе. Они путешествовали инкогнито под псевдонимом «граф и графиня Северные» (Conti del Nord) и посещали, по специальному поручению императрицы, только союзников России, в том числе и Неаполитанское государство¹. Путешественников встретили со всеми почестями (con tutti gli onori²), организовали для них фейерверки и маскарады и возили осматривать археологические раскопки Помпей, Геркуланума и Поццуоли. Слабое физическое здоровье и склонность к занятиям литературой, а не к профессии дипломата заставили герцога Сан-Никола просить освобождения от должности. Его просьба была удовлетворена благодаря дружбе Ланского и Екатерины. Согласно другой версии он был отозван в Неаполь королем Фердинандо под давлением Антонино Мареска, герцога Серракаприола, который впоследствии стал его преемником. Служба в Санкт-Петербурге и покровительство Екатерины положительно повлияли на его карьеру, на следующий год герцог Серракаприола приветствовал своего короля: «...учитывая рекомендации для герцога Сан-Никола, Ваше Величество повысили его в звании и обеспечили ему блестящую карьеру в регентском совете»³.

Антонино Мареска, герцог Серракаприола (1784–1822)

В отличие от герцога Сан-Никола, Антонино Мареска не обладал репутацией литератора и человека высокой культуры, однако он принадлежал к знатному соррентийскому роду влиятельных сановников королевского двора. Его назначение на должность полномочного министра в России в июле 1782 г. совпало, как уже было сказа-

(НГА, МИД, папка № 4426 «Трактаты», а также в статье 17 Соглашения о торговле между Неаполем и Россией).

¹ По графику путешествия, разработанному С.И. Плещеевым [9. С. 7–8], граф и графиня Северные прибыли в Неаполь 28 января 1782 г. и уехали оттуда 8 февраля. Они ночевали во дворце, принадлежащем Паскуале Мария Д'Алессандро, герцогу ди Песколанчиано D'Alessandro duca di Pescolanciano («в доме дюка Бискуланчало» [sic!]).

² НГА, МИД, папка № 1669.

³ НГА, МИД, папка № 1670. Письмо герцога Серракаприола маркизу Самбука, Санкт-Петербург, 06.07.1784.

но, с благоприятной политической обстановкой для Королевства обеих Сицилий, поскольку Россия искала поддержку в Средиземном море, перед тем как вступить в прямой конфликт с Турцией. Его первая миссия состояла в проведении переговоров с советником Фердинандо Галиани, касающихся торгового договора между Россией и Неаполем, который был ратифицирован в 1787 г.¹ Данное соглашение, подписанное для того, чтобы развивать торговлю на Востоке (*nel Levante*), подразумевало одно секретное условие в пользу неаполитанских судов, для которых были уменьшены пошлины при пересечении Черного моря. Помимо коммерческих интересов, объединяющих Неаполитанское королевство и Россию, последняя при помощи данного договора, по сути, намеревалась открыть новую главу политических отношений. Герцогу Серракаприола была предназначена деликатная миссия позаботиться о том, чтобы проявления дружбы не привели к согласованию союза против Турции. Инструкции герцогу диктовали осторожное поведение, которое ни в коем случае не должно было скомпрометировать неаполитанский нейтралитет: дружба с Турцией и Россией служила в равной степени для того, чтобы получить свободный коммерческий транзит в Черное море. Кроме того, слишком сложными для того, чтобы подвергнуть риску уход собственной внешней политики от линии равноудаленности, оказались следующие факторы: военная слабость Королевства обеих Сицилий, катастрофическое состояние его финансов, бездарность его государя и особенно уязвимость его береговой линии. Этот вопрос освещался в жестких докладах А.К. Разумовского, а вслед за ним П.М. Скавронского, касавшихся социально-экономических условий Неаполя и Сицилии и особенно главных героев его политики². Что касается герцога Серракаприола, то его письма с 1783 до 1787 г. всегда содержали настойчивые ходатайства о заключении договора о торговле и подробные отчеты о «восточной» политике Екатерины.

Эта миссия принесла ему репутацию настолько умелого переговорщика и верного союзника императорского двора, что через него императрица прибегла к неаполитанскому посредничеству в мирных

¹ НГА, МИД, папки № 4217, № 6772. О лидирующей роли аббата Галиани в переговорах, *rimandiamo ai saggi*, см. [10, 11]. Коммерческие отношения между Неаполем и Россией были предметом тщательного анализа Винченцо Джуры [12].

² Переписка Разумовского, сохраненная в Министерстве иностранных дел России, была частично изучена М.Л. Кавальканти [13], но только с точки зрения торговых отношений между двумя странами.

переговорах с Турцией. Тем не менее данное посредничество потерпело крах, как описывает Нино Кортезе в своем очерке [14].

Даже в круг дипломатов, которые входили в высший свет столицы, Серракаприола в своем звании влился с непринужденностью и элегантностью и сразу установил хорошие отношения с самыми влиятельными людьми императорского двора, начиная с екатеринских фаворитов. После смерти жены Марии Аделаиды дель Карретто он женился во второй раз в 1788 г. на Анне Александровне Вяземской, второй дочери Елены Никитичны Трубецкой и князя Александра Вяземского – генерал-рокурора Сената, фактически министра финансов, юстиции и внутренних дел, а также члена Совета при Высочайшем дворе. Его союз с одной из самых благородных и влиятельных российских семей был одобрен Екатериной, но принят с некоторым сомнением со стороны Фердинандо, несмотря на положительную перспективу в облегчении дипломатической работы. Хотя герцог Серракаприола получил разрешение на вступление в брак со стороны Римской церкви и королевское согласие, в конфиденциальных письмах от неаполитанского двора содержалась просьба дать пояснения касательно религии, исповедуемой будущей невестой, и призывами задуматься над тем, что слуга короля вступает в смешанный брак¹. Брак, принесший ему в дар родство с древними и знатными русскими семьями, восемьдесят тысяч рублей наличными и усадьбу Мурзинку, находящуюся в нескольких верстах от Санкт-Петербурга и от усадьбы Вяземских.

Contrarrò fra giorni i sponsali con la Principessa Anna Wesemskj, figlia del Procuratore Generale, Primo Ministro di Finanze e Cancelliere del Gran Consiglio, principe Wesemskj. Infinite qualità concorrono in un partito simile sia per la cospicua Nobiltà, come per augea delle Cariche, e confidenza che gode il Padre, ed altresì dei beni di fortuna, ma quelle che hanno formato in me la maggiore sensazione sono le qualità più interne, che esserne della graziosa Damina, come le principali a rendere il mio animo tranquillo, e felice, quali due attributi sono da me desiderati con tutta l'ardenza per poter continuare a deliziare il mio fisico, e morale al Real Servizio e rendermi con le mie azzioni sempre più grato alla M. dé miei Sovrani².

¹ НГА, МИД, папка № 1673, письма от 20.07.1788, 29.07.1788 и 07.10.1788.

² «<...> осталось несколько дней до бракосочетания с княгиней Анной Вяземской, дочерью генерального прокурора, премьер-министра финансов и канцлера Великого Совета князя Вяземского. Бесконечные качества совмещаются в данной партии, такие как: дворянский титул, должности и доверие, которыми располагает её отец; и ко всему про-

Герцогу Серракаприола была нужна невеста с хорошим приданым, так как затраты дипломатической службы и высокий уровень жизни при императорском дворе Екатерины намного превосходили его финансовые возможности. В письмах герцог Серракаприола часто обращается к своему адресату с просьбой об увеличении жалования, что, очевидно, осуществлялось редко. От этого счастливого брака родилось в Санкт-Петербурге двое детей: Никола и Елена. У первенца крестной матерью была сама Екатерина II в лице вице-канцлера А.И. Остермана, и Никола был крещен и воспитан в религии Священной Римской церкви. А дочь Елена была крещена в русском православном обряде (*con rito greco-ruteno*) теткой Екатериной Александровной, графиней Толстой. Елена вышла замуж за графа Степана Федоровича Апраксина, полевого адъютанта Александра I и Николая I, и жила в России до самой смерти¹, а Никола, по следам отца, пошел вверх по карьерной лестнице и занимал высокие должности как в качестве придворного, посла, министра иностранных дел Королевства, так и в качестве председателя общего Совета Королевства обеих Сицилий².

Породнившись с русской аристократией, герцог Серракаприола пытался укрепить партнерские отношения между двумя государями, предлагая для этого соединить в брачном союзе одну из дочерей

чему счастливое благополучие. Однако те качества, которые сформировали во мне самое большое чувство по отношению к этой изящной даме, это её внутренние качества, которые способны сделать мою душу мирной и счастливой. Это два атрибута, которые я пылко для себя желаю для того, чтобы продолжать радовать своим физическим и нравственным состоянием королевскую службу и посредством своих поступков сделать себя более признательным для Их Королевского Величества» (НГА, МИД, папка № 1693. Письмо герцога Серракаприола кавалеру Актон, Санкт-Петербург, 15.08.1788).

¹ Елена, герцогиня Серракаприола, преждевременно скончалась в Санкт-Петербурге (14.07.1793–25.11.1820). Степан Апраксин (30.07.1792–17.05.1862) занимал важные военные посты с 1808 г.; в 1816 г. он был награжден Священным военным Константиновским орденом Святого Георгия; в 1825 г. он участвовал в подавлении военного мятежа декабристов и был повышен до звания генерал-майора армии Николая I. В 1843 г. Апраксин был назначен генералом кавалерии, и в 1860 г. он был награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного. (Примечания взяты из известной генеалогии Н. Иконникова [15. С. 20], выдержки из которой находятся в НГА, архиве Мареска, герцога Серракаприола (далее: НГА, МС), папка №104/11, вкл. 9 / VI.).

² В НГА, МС, папка № 108, вкл. 2/7. От брака Николая (25.08.1790–17.11.1870) с Маргеритой ди Сангро родилась в 1823 г. дочь Алессандра, которую крестил сам Александр I. Этот эпизод был увековечен в акварели Николой Мареска, который увлекался живописью и оставил интересные *gouaches* Санкт-Петербурга и дома герцога Серракаприола на Фонтанке. Некоторые из них были представлены на выставке «Воспоминания об Италии», состоявшейся в Русском музее в 2003 г., и в одноименном каталоге [16].

Фердинандо с русским великим князем. Целью данного проекта было объединение двух императорских семей и сближение двух религий: католической и православной, что было поддержано как Екатериной, так и Каролиной. Но когда в 1791 г., во время поездки в Вену неаполитанской королевской семьи герцог Серракаприола представил свой проект королю Фердинандо, тот отреагировал с негодованием: «...я был бы сумасшедшим, чтобы отдать одну из моих дочерей раскольнику (a uno scismatico), я удивлен, что Вы мне предлагаете такие вещи»¹. Затея потерпела крах в зародыше, а тень, пробежавшая в отношениях между королем и его верным министром, вскоре рассеялась. Однако герцог Серракаприола продолжал питать тайную надежду на сближение двух религий и уже по прошествии нескольких лет принял участие в проекте «встречи мнений» между двумя Церквями по договоренности с архиепископом Литта, апостольским нунцием в Петербурге, и Джулио Литта – Бали Мальтийского ордена. В 1798 г. Павел I стал Великим магистром Мальтийского ордена, но официальное назначение на эту должность требовало утверждения Святого Отца². В требовании такого утверждения Павел косвенно признал главенствующее положение папы, и для предоставления утверждения Пий VII, в свою очередь, признал православного царя в качестве главы католического порядка. По этому случаю герцог Серракаприола был приглашен Павлом на две императорские аудиенции в качестве временного посредника между Россией и Папским престолом, после чего осуществление замысла императора об объединении церквей было отложено:

S.M.I. si è lungamente degnata trattenermi sopra la sua maniera di pensare per questo grande oggetto della riunione dell'opinioni delle due Chiese, mi ha fatto parola dell'idea avuta di Pietro il Grande allorché desiderò unire la Chiesa Greca Ruthena alla Gallicana, e non saprei mai abbastanza descrivere a V.M. la sua somma delicatezza di coscienza come il profondo studio fatto sopra queste materie per vederne la verità, e sentire il bene di questa grand'opera³.

¹ НГА, МИД, папка № 1675. Письмо герцога Серракаприола кавалеру Актон, Вена, 07.03.1791.

² После смерти Пия VI в марте 1800 г. был избран Пий VII, и письма герцога Серракаприола относятся к утверждению нового папы.

³ «Его Императорское Величество соизволили надолго задержать меня по поводу этой великой цели: «о встрече мнений» двух Церквей он оповестил меня о приобретенной от Петра Великого идее, в которой он хотел объединить православную и католическую

Донесения неаполитанского посла своему двору в ноябре 1800 г. содержат частые намеки, свидетельствующие, с легкой руки герцога Серракаприола, о неустанных действиях, направленных на исполнение амбициозного проекта. Примирение с Папским престолом так и не было завершено из-за преждевременной смерти Павла I.

В 1798 г., воспользовавшись расположением к нему Павла I, герцог Серракаприола провел переговоры с маркизом ди Галло касательно союзного договора для защиты границ Королевства и их расширения за счет Папской области¹. Проект не осуществился – ни одна великая держава не была заинтересована ни в поддержании дружбы между Неаполем и Россией, ни в уравнивании австрийского господства с помощью союзника – Англии. Однако Россия все-таки направила военную группу (девять батальонов и двести казаков) для защиты Королевства. В 1799 г. император Павел I передал генералу Суворову необходимые полномочия по оказанию помощи Его Величеству Неаполитанскому королю для восстановления суверенитета и для отдаления французов от королевства. Устами герцога Серракаприола он заявил:

<...> Его интерес к Его Величеству Сицилийскому королю был и всегда останется прежним; он сделал и будет продолжать делать все возможное для его спасения и оказания помощи; и, в соответствии с этим, он приказал <...> отдалить как можно больше от блока Корфумного судов, а также военных кораблей и отдать их в распоряжение Его Величеству для защиты побережья обеих Королевств².

Союз с Неаполем длился восемь лет, и Россия много раз демонстрировала свое желание защитить независимость Королевства. В политических планах Павла I, а вслед за ним и Александра I, два

церкви, и я бы никогда не смог достаточно описать Вашему Величеству чрезмерное чувство его деликатности при глубоком изучении вышесказанных вопросов для того, чтобы увидеть истину и почувствовать благо от этой большой работы» (НГА, МИД, папка № 4240. Письмо герцога Серракаприола Его Величеству королю, Санкт-Петербург, 30.11.1800). Рассказ о двух аудиенциях царя также передан в конфиденциальном письме на имя кавалера Актон, с той же датой 30.11.1800.

¹ В качестве официального предлога сослались на крайнюю слабость Святейшего престола для того, чтобы защитить собственные территории, а также территории, граничащие с Неаполитанским королевством, от австрийских экспансионистских намерений: этот эпизод широко описан в статье одного из потомков герцога Серракаприола, Бенедетто Мареска [17], а также в книге Карло Ди Сомма [18].

² НГА, МИД, папка № 1680. Письмо герцога Серракаприола к маркизу ди Галло, Санкт-Петербург, 20.03.1779.

королевства Неаполя и Сардинии должны были бы постепенно присоединить к себе все другие итальянские государства, расположенные с Юга на Север, и Россия, таким образом, защитила бы образовавшееся итальянское государство. Не случайно и то, что депеши герцога от 1803 г. содержат повторяющиеся увещевания о том, чтобы неаполитанское правительство не потеряло поддержку Александра и дружбу с Россией¹.

С побегом Фердинандо в Сицилию и назначением Жозефа Бонапарта королем Неаполя для дипломата начался трудный период. Имущество герцога Серракаприола в Неаполе было конфисковано, его также освободили от занимаемой им в течение двадцати лет должности в Петербурге, которую доверили герцогу Мондрагоне, а вслед за ним князю Торелла – «шпионам» полиции Наполеона. Поскольку герцог Серракаприола не вернулся на родину, чтобы засвидетельствовать свое почтение новому королю, он был объявлен политическим эмигрантом. В тот критический момент своего существования герцог за примерное поведение был возведен в неоспоримый титул *ancien régime*, в ранг последнего патриота Бурбонов, и его светский салон на улице Фонтанка, д. 22, превратился в подрывную ячейку, в которую входили противники наполеоновского режима. Следовательно, его положение ухудшилось и в Петербурге: сам Александр I после Тильзитского мира и признания Жозефа Бонапарта королем Неаполя отстранил герцога от двора как персону нон грата. Он, однако, сохраняя самообладание, продолжил работать как частное лицо для королевского двора в приемных родственников, на участие которых мог рассчитывать. Таким образом, он принимал видных деятелей европейской политики и королевского двора, не отказываясь при этом от персонального русско-неаполитанского «синкретизма». Бенедетто Кроче, которому мы обязаны за данную информацию, передает слова современника герцога Серракаприола: «...n'était plus considéré comme napolitain: il était devenu cosmopolite, et, loin d'être guidé par un esprit de fanatisme, tous ses efforts ne furent dirigés qu'à obtenir une tranquillité générale» [21. P. 316].

«Capo della diplomazia, tutti gli si confidavano, senza che mai egli ne abusasse; ogni nuovo arrivato del corpo diplomatico gli si faceva presentare

¹ НГА, МИД, папка № 1682. Для ознакомления с историей этого периода необходимо обратиться, в частности, к основному тексту Дж. Берти, а также к его ценной библиографии, касающейся данного вопроса [19]. Следует отметить среди очень немногих российских исследований ценную монографию советского историка Г.А. Сибирева [20].

per averlo a guida e a consigliere» [22. Vol. 1. P. 29], у герцога в этот период установились особые дружеские отношения с Жозефом де Местром и с княжной Марией Нарышкиной – фавориткой Александра I.

В 1814 г. изменившиеся политические обстоятельства благоприятствовали его реабилитации, и герцог Серракаприола был назначен представителем короля на конгрессе в Вене, где он боролся против жестких условий, установленных Австрией для возвращения короля Фердинандо в собственные владения. Его энергичный протест остался без ответа, благодаря в том числе и лени неаполитанских полномочных представителей Руффо и Медичи. И когда Фердинандо вернулся на трон с титулом короля обеих Сицилий, он послал герцогу Серракаприола указ в благодарность за оказанные услуги, доказанную ему вечную верность.

Герцог Серракаприола умер в Санкт-Петербурге в 1822 г. и был похоронен в монастыре Александро-Невской лавры. Согласно одной семейной легенде могила Антонино была разрушена наводнением на Неве, и единственную сохранившуюся реликвию – зуб – сын Никола перевез со всеми почестями в Неаполь и поместил в церкви Монтекальварио с установлением мемориальной доски в честь отца¹.

Переписка герцога с собственным королевским двором, несмотря на то, что она служила доказательством способности к синтезу исторических, политических и социальных фактов и событий, свидетелем которых он был, и осведомленности в российских реалиях, отличается, однако, особенно в депешах первого десятилетия, не всегда легко воспринимаемым эпистолярно-канцлерским стилем. Язык его писем иногда слишком усеян неаполитанскими терминами, переделанными на итальянские, витиеват и содержит орфографические ошибки. Иногда сказывается влияние французского языка². Тем не менее с течением времени стиль писем улучшается, растет дипломатическое мастерство: депеши девяностых годов показывают умение анализировать исторические события.

Транскрипция русских имен и названий, особенно в первые годы, является исключительно фонетической – без соблюдения языковых

¹ НГА. МС, папка № 101.

² Огрехи в выражениях на итальянском литературном языке были ехидно подчеркнуты министром Бернардо Тануччи, который однажды сказал по поводу его длительного пребывания во Флоренции: «Необходимо, чтобы Серракаприола вернулся в Неаполь, если он не находится за границей только для того, чтобы быть посмешищем в Академии делла Круска» [23. С. 41]. Возмущался и Луиджи Бланш: «Этот мужчина <...> с сорокалетним дипломатическим стажем не мог правильно говорить по-французски» [22. Т. 1. С. 29].

норм. В дальнейшем написание русских названий становится более правильным и показывает языковое чутье герцога. Вероятно, он посвятил себя изучению русского языка с того момента, как породнился с семьей Вяземских, – язык дипломатии оказался для него недостаточным для общения в российском обществе. Известно, что Александр Вяземский не говорил по-французски [24. С. 323]. Мы не будем заострять свое внимание на том, насколько Антонино хорошо говорил по-русски и как легко он пришел к практике трехязычия: русский в семье, французский и итальянский – в дипломатической переписке со своим посольством.

Неудивительно и то, что он имел обычай переводить с русского как для языковой практики, так и просто для своего удовольствия. В фонде Мареска герцога Серракаприола были найдены некоторые документы, содержащие его очень неполный перевод «Россиады» М.М. Хераскова. В черновике присутствует начальная часть его итальянской *Rossiade*, т.е. перевод посвящения «Милостивому Государю», с русским текстом, а также «Исторического предисловия» и некоторых строк песни первой [25]. К сожалению, некоторые фрагменты в рукописи неразборчивы. Любопытно и то, что на листах перевода появляются и русские фразы, переведенные на итальянский язык, в которых определяется почерк Антонино. Вероятно, это была практика «домашнего» разговорного языка, которая заставляет нас улыбнуться, если мы представим эти упражнения в семейном контексте, в котором они должны были быть произнесены:

Я хочу ъхать къ тестю	Io voglio andare dal suocero
Что матушка каково съ вами	Come Mama sta la Vostra salute
Хорошо ли Вы почивали	Avete ben dormito
На сихъ дняхъ у насъ много гостей	Da noi questi giorni molto mondo vi era ¹ .

В переписке с министрами иностранных дел герцог никогда не упускал возможности сообщить им о добром здравии императрицы и императорской семьи и подчеркнуть роскошь приемов, дней рождения и кончины, именин, балов и маскарадов, организованных в соответствии с протоколом или просто для развлечения во дворце. Читая ценную переписку герцога Серракаприола, мы восстанавливаем фрагменты российской дворцовой жизни и узнаем, что Екатерина II, устраивала балы и ужины три раза в неделю, что она любила играть в карты и

¹ НГА, МС, папка № 110, вкл. II, лист 562.

шахматы, что каждое воскресенье после службы собирался дипломатический корпус для приветствия, что в начале лето она уезжала в Царское Село, а великие князья перебирались в восхитительные владения Павловска или Гатчины, а также то, что для больших юбилеев организовывались безмерно роскошные балы. Герцог, пунктуальный как при дворе, так и в высшем обществе, играя в карты, дефилируя в полонезе, посещая театральные спектакли по четвергам, за эти годы из неизвестного министра далекого королевства стал незыблемой опорой для меняющейся плеяды дипломатов, которые окружали Екатерину, затем Павла, и наконец, Александра, которому по приезде Антонино в Петербург было семь лет – и сорок семь, когда герцога не стало.

Перевод Ирины Новиковой

Литература

1. *Filippo M. di*. Per una storia dei rapporti tra il Regno di Napoli e l'Impero russo // Archivio russo-italiano IV / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Salerno: Collana di Europa Orientalis, 2005. P. 243–295.
2. *Colletta P.* Storia del Reame di Napoli dal 1734 sino al 1825. Napoli: Scientifica editrice, 1969. Vol. 1.
3. *Acton H.* I Borboni di Napoli. Firenze: Giunti Martello Editore, 1985. Vol. 1. 723 p.
4. *Schipa M.* Il regno di Napoli sotto i Borboni. Napoli: Luigi Pierra Editore, 1900. 110 p.
5. *Recueil de mots russes, disposés par ordre alphabétique, avec leur explication en François, par M. le D. de S. N. Pour son propre usage, en attendant un Dictionnaire de la même langue.* A Naples, MDCCLXXVIII.
6. *Лихачев Н.* Русско-французский словарь, напечатанный в Неаполе в 1778 г. СПб., 1897. 18 с.
7. *Сборник* Императорского Русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 23: Дипломатическая переписка Екатерины II. 734 с.
8. *Письма* Пикара к князю А.Б. Куракину // Русская старина. 1878. Т. 22, № 5. С. 39–66.
9. *Плецевев С.И.* Начертание путешествия их императорских высочеств... Павла Петровича и... Марии Феодоровны, под именем графа и графини Северных. СПб., 1783. 20 с. URL: <http://www.prlib.ru/item/428780>.
10. *Diaz F.* L'abate Galiani consigliere di commercio estero del Regno di Napoli // Rivista storica italiana. 1968. Vol. 80, № 4. P. 854–909.
11. *Gambacorta L.* Ferdinando Galiani e la Russia // Archivio storico per le province napoletane. Napoli: Società napoletana di storia patria, 1988. P. 335–345.
12. *Giura V.* Russia, Stati Uniti d'America e Regno di Napoli nell'età del Risorgimento. Napoli: Editore Scientifiche Italiane, 1967. 362 p.
13. *Cavalcanti M. L.* Alle origini del Risorgimento. Le relazioni commerciali fra il Regno di Napoli e la Russia. 1777–1815. Genève: Droz, 1979. 394 p.
14. *Cortese N.* La mediazione Napoletana nelle trattative di pace tra Russia e Turchia nel 1790-91. (Con lettere inedite di Caterina II e di Maria Carolina) // Russia: rivista di letteratura, storia e filosofia. 1921. № 4–5. P. 74–103.

15. *Ikonnikov N.* la noblesse de Russie. Paris: Bibliothèque de l'Institut d' études slaves, 1957. Т. А1.
16. *Воспоминание* об Италии: Свидетельства. СПб.: Palace Editions, 2003. 168 с.
17. *Maresca B.* Il marchese di Gallo a Pietroburgo nel 1799 // Archivio storico per le province napoletane. Napoli: Società napoletana di storia patria, 1908. Vol. 33. P. 577–617.
18. *Di Somma C.* Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à Saint-Petersbourg en 1799. Napoli: Luigi Pierrò Editore, 1910. 348 p.
19. *Berti G.* Russia e stati italiani nel Risorgimento. Torino: Einaudi, 1957. 874 p.
20. *Сибирева Г.А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII века. М.: Наука, 1981. 196 с.
21. *Croce B.* Il duca di Serracapriola e Giuseppe De Maistre // Archivio storico per le province napoletane. Napoli: Società napoletana di storia patria, 1922. № 1–4. P. 313–335.
22. *Blanch L.* Scritti storici / A cura di B. Croce. Bari: Laterza, 1945. Vol. 1. 491 p.
23. *Maresca Donnorsò G.* Alcune notizie di famiglia. Napoli, 1955.
24. *Григорович Н.* Отзыв Сардинского чрезвычайного посланника и полномочного министра маркиза де-Парело... о князе А.А. Вяземском // Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., 1879. Т. 1: 1747–1787 гг. 652 с.
25. *Пачини-Савой Л.* Итальянский дипломат XVIII в. – переводчик «Россияды» // XVIII век. М.; Л.: Наука, 1966. Сб. 7. С. 207–212.

ON THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN THE KINGDOM OF NAPLES AND THE RUSSIAN EMPIRE

Imagologia i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 8, pp. 5–23. DOI: 10.17223/24099554/8/1

Marina di Filippo, University of Naples “L’Orientale” (Naples, Italy). E-mail: mdifilippo@unior.it

Keywords: 18th century, Neapolitan Archives, diplomatic correspondence, Duke of San Nicola, Duke of Serracapriola, Catherine the Great.

The study offers a documented reconstruction of the political, diplomatic and cultural relations between the Kingdom of Naples and the Russian Empire from the beginning of relations in 1777 until 1820. The search for testimonies linking Italy and Russia was based primarily on unpublished manuscript materials of the Naples State Archive from the funds of the Ministry of Foreign Affairs and Maresca di Serracapriola. These documents are mainly diplomatic correspondence between Neapolitan ministers in St. Petersburg and the Ministry of Foreign Affairs of the Bourbon dynasty, starting from 1763. The article analyses a considerable number of interesting letters, dispatches, memorials, treaties about the role played at the Tsar’s Court by the two first plenipotentiary ambassadors, representatives of Neapolitan King Ferdinand IV.

The first was Muzio da Gaeta, Duke of San Nicola, who lived in St. Petersburg from 1779 to 1783 and showed himself more as a literary man and translator than as a politician and diplomat. The other representative of the Bourbon Court was Antonio Maresca, Duke of Serracapriola, who was a longtime minister plenipotentiary assigned to the Russian Court in St. Petersburg from 1787 to 1822. He is remembered for his diplomatic talent and communication skills. During his forty years employment at court, he established close relations with the most powerful Russian politicians and noblesse. After his marriage in 1788

to Anna Wyazemskaya, Serracapriola's diplomatic career progressed rapidly. So did the alliance between the Neapolitan and Russian states, which signed a number of treaties: Trade Treaty in 1787, Treaty of Alliance in 1798. In 1800, through Duke's mediation, Paul I supported the idea of uniting Catholic and Orthodox churches. Between 1811 and 1812, Tsar Alexander I entrusted him with the mission to conclude an agreement with Turkey, Persia and England on behalf of Russia.

Duke of Serracapriola died in 1822, remembered as the ambassador of two countries – the Kingdom of Naples and the Russian Empire.

References

1. Filippo, M. di (2005) Per una storia dei rapporti tra il Regno di Napoli e l'Impero russo [On the history of relations between the Kingdom of Naples and the Russian Empire]. In: Rizzi, D. di & Shishkin, A. (eds) *Archivio russo-italiano IV* [The Russian-Italian Archive]. Salerno: Collana di Europa Orientalis. pp. 243–295.
2. Colletta, P. (1969) *Storia del Reame di Napoli dal 1734 sino al 1825* [History of the Kingdom of Naples from 1734 to 1825]. Vol. 1. Naples: Scientifica editrice.
3. Acton, H. (1985) *I Borboni di Napoli* [The Bourbons of Naples]. Vol. 1. Florence: Giunti Martello Editore.
4. Schipa, M. (1900) *Il regno di Napoli sotto i Borboni* [The Kingdom of Naples under the Bourbons]. Naples: Luigi Pierrò Editore.
5. Mr. D. de S. N. (n.d.) *Recueil de mots russes, disposés par ordre alphabétique, avec leur explication en François, par M. le D. de S. N. Pour son propre usage, en attendant un Dictionnaire de la même langue* [Collection of Russian words, arranged in alphabetical order, with their explanation in Francis, by Mr. D. de S. N. For his own use, pending a Dictionary of the same language]. Naples: [s.n.].
6. Likhachev, N. (1897) *Russko-frantsuzskiy slovar', napechatannyy v Neapole v 1778 g.* [Russian-French Dictionary printed in Naples in 1778]. St. Petersburg: V.S. Balashev i K.
7. Grot, Ya.K. (ed.) (1878) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 23. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
8. Picard. (1878) Pis'ma Pikara k knyazyu A.B. Kurakinu [Letters from Picard to Prince A.B. Kurakin]. *Russkaya starina*. 22(5). pp. 39–66.
9. Pleshcheev, S.I. (1783) *Nachertanie puteshestviya ikh imperatorskikh vysochestv, ... Pavla Petrovicha i ... Marii Feodorovny, pod imenem grafa i grafini Severnykh* [The itinerary of the journey of their Imperial Highnesses, . . . Pavel Petrovich and . . . Maria Feodorovna, under the name of Count and Countess of the North]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. [Online] Available from: <http://www.prlib.ru/item/428780>.
10. Diaz, F. (1968) L'abate Galiani consigliere di commercio estero del Regno di Napoli [Abate Galiani Foreign Trade Adviser of the Kingdom of Naples]. *Rivista Storica Italiana*. 80(4). pp. 854–909.
11. Gambacorta, L. (1988) Ferdinando Galiani e la Russia [Ferdinando Galiani and Russia]. In: *Archivio storico per le province napoletane* [Historical archive for the Neapolitan provinces]. Naples: Società napoletana di storia patria. pp. 335–345.
12. Giura, V. (1967) *Russia, Stati Uniti d'America e Regno di Napoli nell'età del Risorgimento* [Russia, United States of America and Kingdom of Naples during the Risorgimento]. Naples: Editore Scientifiche Italiane.

13. Cavalcanti, M.L. (1979) *Alle origini del Risorgimento. Le relazioni commerciali fra il Regno di Napoli e la Russia. 1777–1815* [To the origins of the Risorgimento. Trade relations between the Kingdom of Naples and Russia. 1777–1815]. Geneva: Droz.

14. Cortese, N. (1921) La mediazione Napoletana nelle trattative di pace tra Russia e Turchia nel 1790-91. (Con lettere inedite di Caterina II e di Maria Carolina) [Neapolitan mediation in peace talks between Russia and Turkey in 1790–1791]. *Russia: rivista di letteratura, storia e filosofia*. 4–5. pp. 74–103.

15. Ikonnikov, N. (1957) *La noblesse de Russie* [Russian Nobility]. Vol. A1. Paris: Bibliothèque de l'Institut d' études slaves.

16. The Russian Museum. (2003) *Vospominanie ob Italii. Svidetel'stva* [Recollection of Italy. Testimonies]. St. Petersburg: Palace Editions.

17. Maresca, B. (1908) Il marchese di Gallo a Pietroburgo nel 1799 [The Marquis of Gallo in Petersburg in 1799]. *Archivio storico per le province napoletane*. 33. pp. 577–617.

18. Di Somma, C. (1910) *Une mission diplomatique du Marquis De Gallo à Saint-Pétersbourg en 1799* [A Diplomatic Mission of the Marquis De Gallo in St. Petersburg in 1799]. Naples: Luigi Pierro Editore.

19. Berti, G. (1957) *Russia e stati italiani nel Risorgimento* [Russia and Italian states in the Risorgimento]. Turin: Einaudi.

20. Sibireva, G.A. (1981) *Neapolitanskoe korolevstvo i Rossiya v posledney chetverti XVIII veka* [The Kingdom of Naples and Russia in the late 18th century]. Moscow: Nauka.

21. Croce, B. (1922) Il duca di Serracapriola e Giuseppe De Maistre [The Duke of Serracapriola and Giuseppe De Maistre]. *Archivio storico per le province napoletane*. 1–4. pp. 313–335.

22. Blanch, L. (1945) *Scritti storici* [Historical Writings], Vol. 1. Bari: Laterza.

23. Maresca Donnorso, G. (1955) *Alcune notizie di famiglia* [Some Family News]. Naples: [s.n.].

24. Grigorovich, N. (1879) *Kantsler knyaz' Aleksandr Andreevich Bezborodko v svyazi s sobyiyami ego vremeni* [Chancellor Prince Alexander Andreevich Bezborodko in connection with the events of his time]. Vol. 1. St. Petersburg: V.S. Balashev.

25. Pachini-Savoy, L. (1966) Ital'yanskiy diplomat XVIII v. – perevodchik “Rossiyady” [Italian diplomat of the 18th century. – translator of “Rossiad”]. In: *XVIII vek* [Eighteenth Century]. Vol. 7. Moscow, Leningrad: Nauka. pp. 207–212.